

Авг. Волошин .

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ

ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00595248 (X)

20685 12.4025/2
ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ.

Лит. наук. оддѣл ч. 1.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

НАПИСАВ:
АВГ. ВОЛОШИН.

УЖГОРОД
ПЕЧАТАНО БУКВАМИ АКЦ. ТОВАРИСТВА „УНІО“
1921.

2

06.
20
ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ.

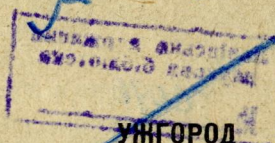
Лит. наук. оддѣл ч. 1.

25.06.8

Львв. Библиотека
АН УРСР

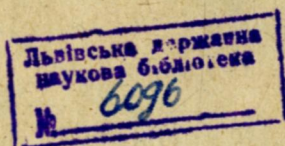
О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

НАПИСАВ:
АВГ. ВОЛОШИН.

ПЕЧАТАНО БУКВАМИ АКЦ. ТОВАРИСТВА „УНІО“
1921.

2141.4-80

25. 068.

Львів. Бібліотека
А. УРСР

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

I.

О языковых спорах загално.

Каждый щирый друг народа нашего задачу интеллигенции нашоѣ в сих историчных роках начала свободнѣйшоѣ народноѣ жизни представляв собѣ так, что отложивши всякѣ вопросы, вызывающѣ споры, буде лишь працювати, буде ширити просвѣту, буде організовати народ економічно и просвѣтно и обома сими подносити народну и политичну самосвѣдомость.

Вмѣсто того, что видиме? Якась неприяТЕЛЬска сила розбила народ наш религійно, вызвала классовѣ и партійнѣ борьбы и недовѣріе к интеллигенции, сія же изовсѣм утратила здорову орієнтацію своєї народноѣ политики.

Особливо остро выступают стороны в языковых спорах, котрѣ найлѣпше забаламутили умы и сердца наших людей и сіи споры суть головнѣйшими перемонами об'єдинения всѣх сил к одушевленной просвѣтной, економічной и политичной працѣ.

Перед войною, або ще и непосредно перед революцією у нас не было языковых споров; писателѣ наши постепенно сближались к народному языку, желаючи сохраняти руську букву, руськое слово и ширити науку. И в первых мѣсяцах житя авт. Подк. Руси, коли в першой Ц. Р. Нар. Радѣ с нами в'єдно робили Бескид и Гагатко, всѣ мы единомудшно держалися принципа, что язык наш малоруській и что мы хотяй еще не приняли фонетичну правопись закарпатских русинов, и пишемє этимологично, однако не можеме народ просвѣщати чужим ему великоруським

языком. Се и выразно рѣшено было Ц. Р. Н. Радою, коли в дѣлѣ урегулированія почтовой администраціи установлено точки требованій от министерства почт. Тогда ясно было высказано, что урядовый язык наш повинен быти малорусскій с этимологичным правописом.

Тогда еще мы не спознавали тоту страшну ненависть, котра розвилася в Галичинѣ из языковых споров и котра межи москвофилами и украинофилами довела до страшных междоусобиць.

Залѣзло до нас нѣсколько фанатиков-яничаров цареславноѣ и большевистскоѣ Россіи, котрѣ сейчас и начали свою опасну, братоубійственну роботу. Простый народ розбивали найнизшою демагогією, сѣм-там перевели легковѣручих селян на „кривославіє“, интеллигенцію же нашу роздвоили языковым вопросом. Можно казати, что церкви русько-католицькой, народной просвѣтѣ, экономичной и политической організації народа нашего, найбільше шкодили сесѣ фанатики путем языкового роздѣленія сил интеллигенції нашоѣ и нагнали воду лишь на млин мадяронства або повного ровнодушія.

Правда, что теперь вже народ сильно ненавидить москвофилов, однако им удалося довести до того, что противники фонетичного письма закарпатского руського языка, вѣдно с врагами свободы нашоѣ, громко кричать и против народовцев, прозываючи их „вікраїнцями“ и сим роздвоенъм путають всяку хосенну, культурну и экономичну роботу нашу.

Каждый, роздумуючий русин скоро порозумѣе, что сеся междоусобна борьба лишь тым ся любить, котрѣ не желаютъ, чтобы русин був ученый, богатый и чтобы жив собѣ мирно, честно.

Но кто спознае исторію розвитку письменного малоруського языка, тому ясно, что сесѣ успѣх москвофилов-фанатиков мог ся стати лишь из причины *глубокоѣ неорієнтації* нашоѣ публики в сем-то вопросѣ.

Явным доказом е того и недавно появившася брошура п. Игоря Гусьняя, котрый смѣвъ выписати такѣ небылицѣ: „Литературный язык Пушкина, Гоголя, Тургенева был и литературным языком карлатороссов“, что „великоросс пишет по нашему“, что „великороссы приняли наш малорусскій литературный язык“. Як на авторитет отзываеся

лишь на бабушку Брешковску, а роздвоєньє руського лит. языка приписує Бисмарку (!) с „помочью уніятского епископа Шептицкого во Львовѣ“. (Увидиме ниже, что скаже на сѣ колоссальнѣ глупости исторія и петерб. Акад. Наук)

Словом, . п. Гусняй кладе початок малоруського лит. языка к 1848. р., он на 32 сторонах богато розписався, о всѣх и за вся, о Барвинском, Смаль-Стоцком, Триловском, за Винниченка и Алиськевича, за Нечаса, Гоголя; насмѣшкуются о полонизмах галицкого и мадяризмах нашего языка но ани едным аргументом не поддерживает (и не може) свое великорусское становиско.

Он ставить вопрос (13 ст.): „зрѣлы-ли мы къ разрѣшенію этого вопроса или нѣтъ“ и брошура его громко одповѣдає, что он не зрѣлый к тому.

Мы сильно вѣруєме, что публика наша сейчас перестане спорити о языкѣ и правописи, если упознає исторію и наукову правду сего вопроса, котрый має вже свою богатую литературу.

Не треба нам великоруського языка — кажутъ наши люде, бо то не наш, то тяжкій для нас, изовсѣм иншакъ выповѣдаєся якъ наш и пр., но додають дораз и то, что им не отповѣдає ани так званный украинскій литературный языкъ, бо пише фонетикою и приняв много чужих, особливо польскихъ слов.

Где туй глядати правду?

А еднако правду мож найти и не тяжко найти. Лишь научно треба розбирати дѣло, треба знати розлучати языкъ од политики, языкъ од правописи, языкъ народный от языка искусственного, языкъ загальный от языка по едных писателей.

В интересѣ правды и успокоєнія умов хочєме сей зачатѣ послужити.

Головна цѣль наша: *указати на правду* и с помощью еѣ направити всѣ наши умственнѣ силы к общей, хосєнной народопросвѣтной роботѣ.

Если лиш то удасться нам, что наша интеллигенція заинтересуєся сим вопросом, вже и тогда скажєме, что не робили'сєе задарь.

II.

Чи правда, что малоруській и великорусскій язык — то един язык ?

Прихильники едного общерусского литературного языка отзываются на то, что об'единеніе русских народов придало бы им необычайно силы, политичноѣ, экономичноѣ и культурноѣ, что богата великоруссека литература была бы общим скарбом всеѣх руських племен.

Як нѣмцѣ-баварцѣ и вѣденцѣ, пруссаки так як австріяки мають один общій нѣмецкій литературный язык, так могли бы и русскѣ народы мати свой общерусскій литературный язык.

Все-то, указуеся дуже добрым и обманючим.

И тому бы радовався каждый вѣрный славянин, особливо же малоросс, если бы славянскѣ народы выбрали собѣ великорусскій язык за общеславянскій (яким був колись старославянскій), если бы во всеѣх славянских краях великорусскій язык був обязательным предметом науки высших класс середних школ, если бы велико руссека литература была розширена по всеѣм славянским землям.

Но як из квадрата не мож зробити круга, так таких народов, котрых роздвоила исторія, найтяжше в едно сковати правѣ на поприщѣ языка. Можно их об'единити господарскими або политичными интересами, но окреме розвившѣся языки наново об'единити не мож. Се противитья природной розчленуючости языков.

На се замѣтив Ягич*): Dann wird sich die Überzeugung Bahn brechen, dass neben der russischen Sprache, die immer mehr den Charakter einer Weltsprache und Weltliteratur annimmt, auch eine kleinrussische oder ruthenische Literatur ebensogut bestehen kann, wie neben der deutschen Weltsprache das Vlämische oder Niederländische und Holländische, weiter das Dänische, Norwegische und Schwedische ungestört leben und literarisch gepflegt werden“. То есть Ягич, хотя уважав за несчастья славянских народов, что каждый славянскій народ создав собѣ окремый язык и литературу, однако узнае природным, чтобы коло великорусского и 30-милліонный малоруській народ мав свой язык так само, як коло нѣмецкого языка жють гер-

*) Die osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen. Kultur der Gegenwart Teil. I. Abt. IX. Leipzig 1908. стр. 19.

манскѣ языки : голландскій, данскій, норвежскій, шведскій и пр.

Если розбираеме причины вытвореня сих языков из общегерманского, то потолкуе нам лишь историчный розвой их.

Так повинны мы глядати историчнѣ причины и роздвоена малоруського и великоруського языков.

Прихильники великоруськоѣ орієнтаціи борются вже и против имени русинов, против слова „ruthenus“. Так и п. Гусьнай каже, что слово „*Ruthenus*“ выдумав в Галичинѣ Стадіон и накинув галицьким Русинам в 1848 р. (ст. 8.), в Угорщинѣ же послѣ 1861., мадыаре по австрійскому методу бросают между интеллигенцію лозунг „ruthen-ского сепаратизма...“ Что се неправда, длясего укажем лишь на грамматику Лучкая з 1830 р. (*Grammatica Slavo-Ruthena*), в котрой Лучкай одрожняе *linguam polonicam, russicam, bohemicam—и ruthenicam*, та подае границѣ, где говорить *ruthenica lingua*!

Памятники ruthen-ства сягають аж до XI. вѣку, бо од XI вѣку называеся наш народ... *ruthenus*“. Называеся так в латинських хрониках. В XII. вѣцѣ называно и нашу Подк. Русь не иначе як „*marchia Ruthenorum*“, як се видиме з „*Vita Chunradi regis*“... „*nuntius ad regem* (до угорьского короля) *dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur*“. В XV. и XVI. вѣцѣ вже добре одрѣжньовано назву „*Ruthenus*“ од „*Moscovita*“. А навѣть грамматики XVI. вѣку робили розлуку межи языком нашим и москальским, як то видно хоть бы з *найстаршого славянскоѣ грамматики* Адама Богорича з 1584. р., в котрой он каже :

„*Arcticae horulae succesivae, de latino-carniolana, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde moskoviticae, ruthenicae, polonicae, boemicae et croaticae cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot cyrillicam et glagoliticam et in his rutenicam et mosoviticam orthographiam continentes...*

Наши руськѣ князѣ называлися „*duces Ruthenorum*“, про что каждый може сам переконатися, заглянувши до исторіи.

Аж до часов Петра Великого, як то низше обширнѣйше потолкуеме, язык малоруській свободно и окреме розвивався, но тогда в сесю чисто наукову справу замѣшалася политика, котра в исторіи славянскоѣ филологіи, на жаль, брала значительну участь. Так на пр. сербскѣ филологи (Белич)

македонскѣ нарѣчія причислили к сербскому, а болгарскѣ (Милетич, Цонев) к болгарскому языку.

Так и централистична политика цареславного абсолютизма попробовала задавити свободный розвиток малорусского языка, но филологія энергично обороняла наукову правду и наконец побѣдила.

Слависты не лишь славянских, но и неславянских народов богато заинтересовались сим вопросом и развили обширну литературу. Так: О. Брох (Slav. Phonetik, Heidelberg, 1911), описавшій діалект околицѣ Ублѣ, Leskien (Gr. d. altbulg. Sprache, 1909), Ягич, маляр. Ашбот (Orosz nyelvtan, 1888), Будде, Платонов, Шахматов и пр., нѣмецкій Hoetzsch (Russland, 1913). Из истинных ученых филологов наших (подк. руських) всѣ держались тоѣ думки, что наш язык — малорусскій и что великорусскій николи не може быти у нас литературным языком; так д-р Алекс. Бонкалов в брошурѣ: „Az orosz és irodalmi nyelv kérdéséhez“ и в книжѣ о діалектѣ околицѣ Рахова обширно доказуе исторично и филологично самостоятельность малорусского языка; а д-р Гіадор Стрипекій так в „Читанцѣ“, (Мукачево 1919) а особливо в брошурѣ „Старша руська письменность на Угорщинѣ“ также ясно обороняе самостоятельность малорусского языка.

Особливо богато писали о сем дѣлѣ галицкѣ, украинскѣ и буковинскѣ) писателѣ Смалѣ-Стодкій, Верхратскій, Михальчук, Крымскій и пр.). Чтобы мы подали причины изовсѣм объективно, прото приведеме туй слова самоѣ петербургскоѣ императ. Академіи Наук, котра в обширном докладѣ „Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова“, изданном в 1905. р. на вопрос, ци можеме говорити „объ языкѣ общерусскомъ“, отвѣтила так:

„Не подлежитъ сомнѣнію, что предки Великорусовъ и Малорусовъ говорили нѣкогда на одномъ языкѣ: этотъ языкъ, не дошедшій до насъ въ письменныхъ памятникахъ и возстановляемый предположительно, въ наукѣ принято называть языкомъ „обще-русскимъ“. Но, конечно, не его имѣють въ виду при противоположеніи малорусскаго „обще-русскому“. Еще въ эпоху доисторическую „обще-русскій“ языкъ представлялъ въ отдѣльных частяхъ своихъ рѣзкія діалектическія отличія, дающія основанія допускать исконное дѣленіе Русскаго племени на три группы: сѣвернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Южнорусскіе памятники древней нашей письменности XI и XII вѣковъ, какъ впервые доказано нашимъ почтеннымъ сочленомъ академикомъ А. И. Соболевскимъ, представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи: изъ нихъ можно съ увѣренностью заключить о значительномъ удаленіи

южнорусскихъ (малорусскихъ) говоровъ какъ отъ среднерусскихъ, такъ и отъ сѣвернорусскихъ уже въ періодъ до-татарскій. Этому удаленію не могло помѣшать и то политическое объединеніе русскихъ племенъ, которое видимъ въ X и XI вѣкахъ: напротивъ, распаденіе русской земли на удѣлы, усиленіе новаго политическаго центра въ бассейнахъ Оки и верхняго теченія Волги, паденіе Кіева во второй половинѣ XII столѣтія — все это въ значительной степени обособляетъ югозападную Русь, а нашествіе Татаръ довершаетъ это обособленіе. Позже, въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, южнорусскія племена находятъ условія для сближенія съ другими русскими племенами, а именно съ той западной вѣтвью среднерусскихъ племенъ, которая легла въ основаніе бѣлорусской народности. Восточная же вѣтвь среднерусовъ, объединенная Москвой съ племенами сѣвернорусскими, входитъ вмѣстѣ съ послѣдними въ составъ великорусской народности. Только позднѣйшая колонизація XVII и XVIII вѣковъ сближаетъ великорусскія и малорусскія племена въ бассейнахъ Сейма, Дона и Дона. Такимъ образомъ историческія условія содѣйствовали полному разобщенію югозападной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великорусами: отсюда существенныя отличія въ языкѣ обѣихъ народностей—великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка; она напротивъ, усугубила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки Малорусовъ, съ одной стороны, Великорусовъ — съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи. И конечно, живой великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Москвѣ, Рязани, Ярославлѣ, Архангельскѣ, Новгородѣ, не можетъ быть названъ „общерусскимъ“, въ противоположность малорусскому языку Полтавы, Кіева или Львова“.

Такъ само одновѣли на сесѣ вопросъ правительства и филолог. факультеты университетовъ кіевского и харьковскаго, кромѣ того и губернаторы кіевскоѣ, подольскоѣ и волинскоѣ губерній правительству одписали, что малороссы не розумѣють великорусскій языкъ.

На вопросъ, ци не „имѣются основаніа признать общерусскимъ (русскій) литературный языкъ“, Академія отвѣчаетъ такъ:

„По неоднократно высказывавшемуся замѣчанію нѣкоторыхъ публицистовъ, Малорусы играли видную роль въ созданіи и въ выработкѣ нашего литературнаго языка. Для доказательства этого положенія признается достаточнымъ упомянуть о вліяніи малорусскихъ писателей и ученыхъ дѣятелей XVII и XVIII в.в. сначала на московскую образованность, а затѣмъ и на Петровскія реформы. Дѣйствительно, вліяніе это отразилось и на нашемъ литературномъ языкѣ, но оно было переходящимъ: усилія великихъ писателей нашихъ все болѣе сближали книжный языкъ съ на-

роднымъ, и ничто еще не остановило того направленія, которое уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка сдѣлало нашъ литературный языкъ вполне великорусскимъ, освободивъ его, между прочимъ, отъ наноснаго малорусскаго произношенія“.

И такъ сама петрогр. Академія констатировала фактъ, что еще в эпоху доисторичну роздвоилися языково малороссы отъ великороссовъ, что исторична жизнь малороссовъ и великороссовъ „не создали общаго для нихъ языка“ и что не е научныхъ „основаній“ назвати общерусскимъ теперѣшній „*вполнѣ великорусскій*“ русскій литературный языкъ.

Обширно говорить Академія Наукъ о свойствахъ малорусскаго языка и о безосновности насильственныхъ стѣсненій, выданныхъ правительствомъ противъ него, и наконецъ выповѣсть: „все вышеизложенное привело Академію Наукъ къ убѣжденію, что малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ“ (ст. 6.).

Сими словами найкомпетентнѣйшаго авторитета (а не бабушки Брешковской) одповѣли'смы пану Гусняю, на вопросъ, чи е окремый малорусскій языкъ, и что Акад. Наукъ не лишъ о *нарѣчіяхъ* говорила, но о двухъ окремыхъ языкахъ.

III.

Короткій переглядъ стѣсненій малорусскаго литературнаго языка в Россіи.

Сусѣдство малороссовъ с Греками и Болгарами потолкуе, что они скоро перебрали христіанство и греческо-болгарску культуру.

Тотъ староболгарскій, церковный языкъ и служивъ первою основою для письменнаго малорусскаго языка.

Петр. Академія Наукъ в упомянутомъ докладѣ каже, что изъ юго и западно-руськихъ элементовъ еще в XIV. в. сложився „*канцелярскій языкъ Литовскаго Княжества*.“

Потомъ сесь малорусскій языкъ поднавъ вліянію польскаго языка, ибо „малорусская интеллигенція XVI. и XVII. в. состояла по большей части изъ членовъ казачьей старшины, получавшій воспитаніе полупольское.“ *)

* Объ отъ. Стѣсн. Малор. Печатн. Слова. Ст. 7.

Сесь письменный малоруській язык во II. половинѣ XVII. в. був занесен и на сѣвер малоруськими учеными богословами, переселившимися в Москву, где по словам Акад. Наук ихъ западничество нашло почву“.

„По этой причинѣ — пише „Акад. Наукъ“ „ради охраны правовѣрія и единства Восточной Правосл. Церкви при Петрѣ Великомъ было запрещено Св. Синодомъ печатать церк. книги несогласно с великороссійскими печатями“. (1721).

И так вже перва заборона малоруського слова выходила из религійно-политичных цѣлей Петра Вел., для обороны державноѣ вѣры Россіи, подчиненноѣ власти царя.

Под сим часом став розвиватися вел. русскій язык и до конца XVIII. в. „совершенно вытѣснил уже вымиравшій славяно русскій“.

Еднако еще в XVIII. в. и малоруєька народна литература красно розвивалася, особливо же малоруська народна пѣсня „пользовалася широкой распространенностью в Москвѣ и в Петербургѣ, якъ то видно изъ тогдашнихъ пѣсенниковъ“.

Богато литературныхъ памятниковъ мае малоруській язык из среди церковноѣ литературы, и то толковѣ Евангелія, „казанія“, книги полемичного содержания, кромѣ того: историчнѣ записки, народнѣ казки, оповѣданія и пр.

Перва серіозна литературна робота на чисто малоруськомъ языцѣ явилася в 1798., коли издана *Энеида И. Котляревского* за котрою слѣдовали его комедіи „Наталка Полтавка“ и „Москаль чаровник“.

Петерб. Академія хвалить у Котляревского „глубокую симпатію к малорусской народности и к малорусскому языку“ и признае его „первым малорусским (украинским) народовцем и отцем малоруськой литературы и не только беллетристичной а и научной“.

В 1819. р. выдано „Сборникъ“ Украинского Пѣсенного матеріала князя *Цертелева*, за ним слѣдовали сборники *Максимовича*, *Метлинского* и многих других.

Из писателей Акад. Наук *Квітку* называе „превосходнымъ разказчикомъ, соединившимъ въ себѣ характеристическія черты малорусскаго духа — юморъ и чувствительность“, а Петра *Артемовского-Гулака* — автором „остроумныхъ стихотвореній“.

Из „Листка“ *Квітки*, подае Акад. Наук такѣ слова о малоруськомъ языцѣ: „Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей, съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 миліоновъ говорятъ“.

который *имієть* свою силу, свои красоти, неудобобизъяснимыя на другомъ, свои обороты, юморъ, иронию и все какъ будто у порядочнаго языка“.

Квітка был родом из Харькова, *Артемовскій* профессором и ректором *Харьковского университета*, где „къ занятіямъ малорусскимъ языкомъ поощряли также *Срезневскій*, въ качествѣ профессора славянскихъ нарѣчій, *Метлинскій*, (рускій Uhland) бывшій тогда адъюнктъ, потомъ профессоръ *Кіевского университета*, „страстный любитель всего малорусскаго и собиратель малорусскихъ пѣсень, и поэтъ и историкъ *Костомаровъ*“ под предсѣдательствомъ котораго в 1846 в Кіевѣ образовалось „*Кирилло-меловодіевское братство*, котреое об'единило всѣх „любителей малорусскаго слова“.

В тых часах р. 1840. в Петербургѣ появилась славнѣйша книжочка малоруськоѣ литературы и загално того вѣка „Кобзар“ Тараса Шевченка наибольшаго поэта русинов, руського „Петевфія“. Тарас Шевченко был мужиком, котораго недавно выкупив писатель Жуковскій и художник Брюлов.

В слѣдующомъ року выйшов из друку наибольшій его эпичный твор: „Гайдамаки“, потом „Сонъ“, Кавказъ“ и проч. Шевченко горячо писав о свободѣ, о будущей свободной Украинѣ, о равноправности и пр. За то арестовали его, и осудили на военску службу в полку осужденных. К суду царь Николай власноручно додав еще, что на вѣки запрещено ему писати и малювати.

Еднако Шевченко хотѣй тайно, но и в тюрьмѣ писав и зготовив краснѣ картины. В р. 1857. Царь Александер II. освободив Шевченка из тюрьмы на просьбу графа Толстоа, предсѣдателя Академіи Художеств. Но арестованя и строгость цензуры задавили всю свободну думку и спинили и розвиток малоруськоѣ литературы.

„К 60-ом годамъ — пише Акад. Наук — видимъ небывалое оживленіе в украинской литературѣ. Много книгъ разнообразнаго содержанія на малорусскомъ языкѣ стало появляться не только на Украинѣ, но и въ Москвѣ, Саратовѣ, особенно въ Петербургѣ“. Так в 1857. р. явились первѣ повѣсти „*Марка Вовчка*, драматичнѣ творы *Ващенка-Захарченка*, первый роман *Куліша* („Чорна рада“); в 1859 году явився, „Малорусскій Литературный Сборникъ“ *Д. Л. Мордовцева*“.

Од 1860. до 1863. издано дасколько дешевых книжок для просвѣщенія простаго народа: букварѣ (граматики), читанки,

космографіи, книжочки из науки природы и пр. В сих роках выходив и научно-литературный малорусскій журнал „Основа“ под редакцію *Бялозерского*.

Описуючи малорусську літературу тих роков Петр. Акад. Наук примѣтитъ: „Можно было ожидать полного разцвѣта малорусской письменности во всѣхъ родахъ, выработки единого малорусского литературного языка, омысленного первоначального обученія малорусского простого народа посредствомъ родной его рѣчи.“*)

Но в дѣло науки замѣшалася политика. Россія готовилася освободити простой народ, Польша же „мечтала объ освобожденіи изъ подъ русскаго ига“. И коли малоруська интеллигенція заклала школы и стала ширити просвѣту серед селянствомъ, „Поляки пустили въ ходъ обвиненіе сихъ школъ въ возбужденіи крестьянства къ мятежу.“**)

Кромѣ поляков малоруська письменность найшла еще и другого противника и то в жидяхъ. „Редакція еврейской газеты „Сіонъ“ пише — Академія пустила „впервые обвиненіе украинцевъ въ сепаратизмѣ“. (14. стр.)

И хотяй малоруськѣ дѣятелѣ в министрѣ народного просвѣщенія *Головинъ* нашли „энергичного защитника“, который в журналѣ министерства дав напечатати статью *Лавровского* о самостоятельности малоруського языка, („Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусского сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими“), однако его старанія розбивалися „о противодѣйствіе министра внутреннихъ дѣлъ *Валуева* и св. Синода съ первоприсутствующимъ митрополитомъ Исидоромъ во главѣ“ (14 ст.)

Тогда поступивъ „на благословеніе,“ малорусскій перевод Евангелія, „тщательно, благоговѣйно и умѣло исполненный инспекторомъ Нѣжинскаго Лицея, Филиппомъ Семоновичемъ Морачевскимъ“. (15 ст.) И хотяй сей перевод былъ „горячо одобренный и рекомендованный Академіей Наукъ“, однако Св. Синод не дав своего благословенія на перевод Морачевского и 20. юнія 1863. р. министр внутр. дѣл заборонивъ „печатанія книгъ религіозныхъ и учебныхъ на малорусскомъ языкѣ“. (16. ст.) Задаръ протестовали филологи и сам министр нар. просв. *Головинъ*, *Валуевъ* силою своихъ жандармовъ отвѣчавъ на науковѣ и культурнѣ аргументы.

„Но — по словамъ Академіи — стремленіе образованныхъ украинцевъ къ просвѣщенію своей меньшей братіи, любовь къ своему, уже испытавшему свои силы на разныхъ поприщахъ, наконецъ и естественная реакція противъ незаслуженнаго гоненія,

*) Объ отм. 12. ст. — **) Тамъ-же 13. ст.

почти отнявшаго у нихъ право на пользованіе родною рѣчью не только спасли ихъ отъ уничія, но и заставили подумать о средствахъ къ удовлетворенію своей законной потребности въ словесномъ общеніи съ непросвѣщенными земляками“. (16 ст.)

И такъ литературна робота малороссовъ перенеслася в Галичину, „къ великой пользѣ и гордости Австріи, но и къ не меньшему, если не еще большему вреду и униженію Россіи.“ (слова Акад. 16 ст.)

Само собою разумѣется, что тотъ реакція Россійскоѣ полиціи противъ природного розвоія малоруськоѣ письменности, много пошкodiла и самой сей письменности, ибо, як и Акад. Наукъ примѣтитъ, даровитыхъ людей о много больше должно быти на Украинѣ, як в Галичинѣ, и кромѣ того малоруссы Украины и матеріально богатшѣ, як Галичане. Велику утрату мавъ малорусьскій народъ Россіи и изъ того, что „сочиненія, написанныя въ Россіи и напечатанныя въ Львовѣ лишь рѣдко доходили до тѣхъ, кому они были предназначены и такимъ образомъ по большей части не достигали своей главной цѣли“. (17 ст.)

В 1876. р. в Петербургѣ собралася комисиія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, обер-прокурора Св. Синода, Шефа жандармов и М. Юзефовича, издавшаго в 1863 р. брошюру о русско-польскомъ и русско-малоруськомъ вопросѣ.

На предложеніе сей комисиіи законъ 18/30 мая 1876 р. 1) запретивъ ввозъ всѣхъ малоруськихъ книгъ и брошюръ, 2) дозволивъ по малоруськи печатати лишь а) историчнѣ документы и памятники, б) произведенія „изящной словесности“ — „но безъ отступленій отъ великорусскаго правописанія“, в) сценическѣ представленія и чтенія.

Сесь законъ не бувъ сейчасъ опубликованъ и россійска интеллигенція узнала о немъ лишъ изъ Парижскихъ газетъ и изъ брошюры Драгоманова, представленноѣ Парижскому з'ѣзду литераторовъ.

Но, коли россійска внутр. политика и полиція преслѣдовала малоруській языкъ, объективна вел. русска наука стояла все противъ такихъ стѣсненій.

Такъ 8. декабря 1880 р. Петерб. Академія Наукъ выписала премію имени Костомарова за составленіе *малоруського словаря*.

Въ 1881. року на докладъ министра внутр. дѣлъ графа Игнатъева царь Александръ III. розказавъ пересмотрѣти правило 1876 р. И тогда позволено было: 1) печатати малоруськѣ словарь, 2) сценичнѣ выставки малоруськихъ пьесъ и пѣсень, печатати

малоруськѣ тексты при нотах, но опять запрещено устройство спеціально малоруського театра.

В 1894. р. обновили заборону ввоза малоруських книг из за границы, а в 1895. р. заборонили еще и малоруськѣ книги для дѣтского чтенія.

Но к концу XIX. и на початку XX. вѣка стала славянска филологія и етнографія займатися вопросом малоруського языка и народа и доказала, что так вокализм, як и морфологія и загально языкова природа малороссов ближе стоить к южно-славянским, як к сѣверо-славянским народам.

Обширнѣйше стали розберати вопрос сей и великоруськѣ филологи особливо Платонов, Шахматов и Будде и так наконец в 1905. роцѣ, коли „Петербургска Академія Наукъ“ в обширном докладѣ, исторично и филологично доказала права и потребности самостойного малоруського языка, тогда зрушили стѣсненія против малоруськоѣ литературы.

Послѣ сего хотяй дуже короткого описанія исторіи переслѣдованія малоруського языка политичными властями цареславного абсолютизма, звѣдаю, ци не смѣшна балаканина п. Гусняя, о Бисмаркѣ, о Шептицком, Стадіонѣ и пр.?

IV.

Квестія о сепаратизмѣ.

Против прихильников малоруського литерат. языка найчастѣйше выдвигается обвиненіе о сепаратизмѣ. Сим обвиняла первыйраз и шизматичка Церков малоросов, боячися од западничества (т. е. правды в вѣрѣ), потом польска шляхта и жида (боялися од просвѣты селянского народа), се твердила и цареславна полиція, коли боронила писати, печатати и даже и говорити по малоруськи.

Як то вже Пет. Акад. Наук выновѣла, „сіе обвиненіе основано лишъ на односторонномъ пониманіи исторіи малорусскаго народа и языка и на тенденціозномъ стремленіи ограничить права малорусской народности *въ угоду неправильно понятыхъ интересовъ великорусскихъ и общерусскихъ*“.

Исторія бо доказуе и доклад Пет. Акад. Наук признае, что :

1. Укraiнофильство с початку „носило характер демократическо освободительный, выразившійся въ боробѣ съ крѣпостнымъ

правомъ и опиралось на панславистическія основы, такъ якъ члены его мечтали о единеніи между славянскими племенами, среди которыхъ они требовали самостоятельнаго положенія и Малорусамъ“.
(10 ст.)

И сам Шевченко в письмѣ къ Шафарикъ проповѣдае потребу братскаго объединенія славянства „на почвѣ единства и любви“.

2. Первый отпор за часов Петра Вел. встрѣтив малорусскій языкъ со стороны пизматичкоѣ церкви, „ради охраны правовѣрія и единства Восточной Православной Церкви“, и заборона выдана противъ западничества богослововъ малорусскихъ, котрѣ свою христіанску культуру переносили ажъ в Москву. Ихъ и обвиняли в „единоуміи съ паною и съ римскимъ костеломъ“..(Акад. 7.)

3. Ненависть противъ малорусскаго языка питала реакція польскихъ помѣщиковъ Украины противъ освобожденія малорусскихъ крестьянъ, котрымъ ихъ родна школа почала отворяти очи и обучати ихъ людскимъ правамъ. Сесѣ поляки и „пустили въ ходъ обвиненіе учителей этихъ школъ въ возбужденіи крестьянства къ мятежу“..(13. ст.)

4. Къ реакціи Св. Синода, полиціи и польскихъ помѣщиковъ присоединились и жидаы, котрымъ также не было въ интересѣ культурное поднесеніе малороссовъ и ихъ газета „Сіонъ“ первыйразъ обвиняла украинцовъ в сепаратизмѣ.

5. Заборонами оторвала власть малорусскій языкъ одъ его природноѣ почвѣ, выгнала за границу, и сесимъ вызвала борьбу противъ властей Россіи, вызвала самооборону малороссовъ за права ихъ родноѣ рѣчи и подада возможность ворогамъ Россіи и славянства выкорыстати антагонизмъ двухъ наибольшихъ славянскихъ народовъ.

Если тоже наставъ сепаратизмъ, тогда в томъ головнымъ виновникомъ е близорука реакційна политика цареславноѣ Россіи, и если хочеме, чтобы того сепаратизма не было, тогда муситъ и перестати всякій гнетъ, всяка ненависть противъ малорусскаго слова и письма, ибо то законъ природы, что чѣмъ дѣйше стѣсняеся воздухъ, тымъ сильнѣйше буде отвѣчати на стѣсняющую силу.

„Малорусская письменность — каже докладъ Пет. Акад. Наукъ (ст. 28.) — возникновеніемъ своимъ удовлетворила, очевидно, назрѣвшей потребности и въ созданіи ея всего менѣе принимала участія политическая интрига или нездоровая тенденція“.

И справедливо звѣдае Акад. Наукъ: „Можноли въ самомъ дѣлѣ ограничить область употребленія литературнаго языка тѣми или другими предѣлами?“

То самое звѣдаеме мы и отъ нашихъ москвофиловъ, котрѣ хотѣли бы на силу спинити природный розвитокъ нашего родного языка.

С Акад. Наук отповѣдаеме им : „Нѣтъ, творческая мысль не можетъ быть остановлена искусственными преградами. За то всякія искусственныя преграды дадутъ ей всегда ложное тенденціозное направленіе : приведенные выше факты показали, какъ былъ загнанъ широкій и свободный потокъ малорусской творческой мысли въ узкія рамки политической партіи, образовавшейся въ Галиціи, но усиливающей свои ряды, оживляющей свою дѣятельность выходцами изъ нашей Украины, партіи могущественной и популярной именно потому, что одна она блюдетъ свободное развитіе малорусской письменной рѣчи“

Стѣснительнѣ законы пише дальше Академія (29. ст.) „разрушили ту братскую связь, которая завязывалась въ разныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ между великорусскою и малорусскою письменностью. Они прекратили и братское между ними соревнованіе, разъединивъ ихъ окончательно и устранивъ ту общую почву, на которой естественнымъ образомъ опредѣлились бы взаимныя отношенія между обѣими письменностями. Мы видѣли, наконецъ, что эти законы содѣйствовали искусственному росту малорусской литературы въ Галиціи, ибо здѣсь, во Львовѣ и Черновцахъ, ей пришлось отвѣтить сразу всѣмъ многообразнымъ требованіямъ жизни : малорусскій языкъ сталъ языкомъ просвѣщенія и политики, науки и литературы. Правда, и здѣсь онъ встрѣтился съ великорусскою письменностью, поддержанною старою галицкою партіей, но вражда, смѣнившая прежнее братство въ Россіи, перенеслась и сюда, и языкъ—въ началѣ, пожалуй, одинъ только языкъ—сталъ источникомъ непримиримой вражды между двумя половинами галицкой интеллигенціи. Нравственный ущербъ, нанесенный великорусской народности и ея письменности отколовшеюся или точнѣе отколотою отъ нея письменностью малорусскою, не вознаградится поддержкой, оказанной Россіей нѣкоторымъ періодическимъ изданіямъ Святоюрской партіи.“ *)

И тепер зайды лемки перенесли сесю непримириму вражду и к нам. Но як на Украинѣ и в Галичинѣ побѣдив народный напрям, так и у нас естественно лишь народовцѣ можуть выйти побѣдителями. Но если не засвѣтит солнце правды в умы нашої интеллигенції и с помощью объективных выводов пет. акад. наук не ступить на дорогу здорового порозумѣня языкового спора, тогда

*) Святогорска партія в Галичинѣ возникла в 60-ых роках минувшого столѣтїя В языковых справах была противна народному языкови а вели сесю партію каноники митрополичей церкви св. Юрія у Львовѣ.

в сей то неминуюмой побѣдѣ не лишь малоруській языкъ побѣдитъ, но побѣдитъ и думка сепаратизма.

В Россіи упав царизм, упала нерозумна и погубоносна реакція. Из теперѣшньої революціи побѣдоносною думкою мае выйти между прочим и братска солидарность великорусов и малорусов, мае побѣдити наука и правда.

У нас настала вже можливість свободного розвиваня нашего родного слова. Но не настала еще тотя свѣтлость, тотя достаточна исторична и филологична орієнтація в вопросѣ языка, котра потребна к тому, чтобы сесѣ опаснѣ для культуры и для политичной свободы интриги вже а limine были отверженѣ.

Ибо звѣдаеме: Кому хоснуе роздвуня огня ненависти и сепаратизма? Никому, лишь ворогам нашоѣ свободы и лѣшпоѣ будучины. Ибо кто поддержуе у нас напр. из чехов напрям великорущины? Швегла, Клофач, Брейха. Значить: Централисты, котрѣ то говорятъ, что шкода было русинам дати автономію, або, як Швегла казав, мѣстна автономія русинов можеся толковати и так, что они могутъ собѣ выбирати старостов в селах.

На Словакин, словацкѣ патріоты также высказалися коло російщины и против нас, хотяй един новинарь „Ческого Слова“ (газеты Клофача) отверто казав, что русинов держитъ он такими сепаратистами супротив великороссов як словаков против чехов. Пан Шварц вѣроятно не знае, что русины о много дальше стоять од россіян, як словаки од чехов.

И комунисты, тай свѣдомѣ мадяроны суть отверто против нашего народного языка, ибо им скорше было бы под руку, если бы наша интеллигенція и dalje дурила русина через незрозумѣлу кацапску тарабарщину (бо великорусского языка они добрѣ не знаютъ.)

Но звѣдаеме: як можеме соединитися з дальшими русскими, если отрываемеся од близших братьов русинов? Поправдѣ работа москвофилов-русинофобов е найгоршим сепаратизмом серед русинов и против россіян.

И як в Россіи, авторитет науки, Академія, защищала интересы правды и права языка малоруського, так и у нас чешскѣ филологи, чешскѣ слависты заступають права нашего родного слова; на ихъ мнѣніе установлено в первых глубоко уважаемым правдолюбіем президента Масарика в Генеральном Статутѣ, что урядовом языком повинен быти наш мѣстный народный языкъ.

Вѣруеме, что с помощью чешских славистов удасться нам подняти у нас славянознавство и розогнати и хаос правописи.

Чи мож до малоруського языка примѣнити великорусску правопись?

Коли в 70-х роках минушого вѣка под примусом заграничноѣ критики и поступа филології политична власть Россіи принуждена была дати уступки, тогда в 1876. р. позволила печатати историчнѣ документы и „произведенія изящной словесности“, но сіи предписано печатати „безъ всякихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія“. В 1880 року наново wydано, что „употребленіе церковнаго шрифта въ малороссійскихъ изданіяхъ представляется весьма желательнымъ“.

К сему правно додала Акад. Наук примѣтку, что „еслибы пѣсенка в родѣ „Ой Семене, Семене, чом не ходиш до мене?“ появилась отпечатанною буквами Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, такое противорѣчіе формы съ содержаніемъ неизбѣжно вызвало бы репрессию со стороны той-же цензуры“.

На основѣ выше помянутого закона о примусовой великорусской правописи не дозволено печатати напр. поѣму В. *Бѣлогор* „Марко проклятый“ (1. апр. 1878) лишь за то, что автор сѣм-там писав *і* вмѣсто *и*.

Тогда обширно обсуждали филологи вопрос о малорусскомъ правописаніи, и вже в 1877 родѣ была „дозволена къ обращенію въ Россію“ учебна книга „Руска читанка“ для высшой гимназій“ Александра Барвиньского, выданна у Львовѣ.

Петербургска Академія Наук критизуючи указы 1876. и 1880. роков, рѣшительно протестуе против такихъ предписаній и заявить, что „употребленіе общерусскаго, т. е. на самомъ дѣлѣ великорусскаго правописанія въ малорусскихъ текстахъ есть вообще затѣя неисполнимая, потому, что правописаніе неизбѣжно подчиняется фонетикѣ, а въ работахъ лингвистическихъ какъ словарь, представляется дѣломъ прямо немыслимымъ“. (Ст. 21.)

Се повинны собѣ зазначити и наши консерватисты, котрѣ не знаютъ одорватися од святого йора, уважають за неотпущительный грѣхъ писати *и* перед *й* або *і* межи двома согласными буквами.

Они не позируют на то, что в російском языке *и* выповѣдается як мягкое *i*, а *ѣ*, як у нас *е*; забываютъ, что законы великорусскоѣ правописи примѣнены до великорусского, а не до нашего вокализма.

О вокализмѣ нашего языка занимаясь я в другой брошурѣ моей, туй лиш то зазначу, что из гласных лишь буквы *а* и *у* мають еднаку роль так в мало-, як в великорусском языцѣ, другѣ гласнѣ буквы всѣ иншак выповѣдаются и переголосуются.

На пр. слово „гости“ великорос выповѣдае „gasti“ (die Gästen), но малорос вже не буде читати сіе слово так, як оно повинно быти т. е. *hosti*, ибо у нас *и* выповѣдается, як малярское середное *é* (напр. *kenyér*).

Або на пр. латинское слово „minister“ по великорусскому одповѣдно може ся писати так: „министеръ“, бо там *и* выповѣдается як *i*, но малорос повинен бы слово „министер“ читати вже, як „ménéster“.

Або берѣм слово „при+иду=прийду“; по великорусскоѣ правописи се маеся писати так: „прійду“, ибо перед *й* не можеся писати буква *и*. Се москалеви одповѣдае, бо у него *и=i*, но русиновѣ нѣтъ, ибо у него *и* не выповѣдается як *i*.

Словом вокализм малоруського языка не позволяе примѣнити правила великорусского письма до малоруського.

Акад. Наук и каже о тых, котрѣ примушовали великорусску правопись на малоруській язык:

„Мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе! Прежде всего, что разумѣть подъ требованіемъ придерживатся общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требованіе закона 1876 г. такъ, что напр., малорусскія слова: *віра*, *місто*—должны явиться въ великорусскоѣ оболочкѣ: *вѣра*, *мѣсто*, т. е. чтобы звукъ *i* изображался буквой *ѣ*, спрашивается, что помѣшаетъ Малорусу изображать черезъ букву *ѣ* звукъ *i* также, напр., въ словахъ: *дѣд* или *нѣс*? — Выиграетъ ли отъ этого дѣло сближенія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучатъ *лѣдъ*, *нѣс*? Но если дѣло идетъ не объ общепринятомъ правописаніи, а только объ общепринятыхъ въ русскомъ-алфавитѣ буквахъ, то почему запретнымъ оказалось писать *віра*, *лѣс* вмѣсто *вира*, *лис*, если *i*—русская буква (*міръ*), и почему

малорусскій звукъ „и“, не смягчающій предшествующей согласной, предложено изображать черезъ *ы*, а не *и*? Во всякомъ случаѣ малорусское письмо съ внѣшней стороны могло бы сравниться съ великорусскимъ скорѣе всего, придерживаясь правописанія Малоруса Максимовича. Но, кому же нужно такое внѣшнее сближеніе?“. (Ст. 37.)

Наши „кацапствующіе“ в своей неукости еще дальше идутъ. Они не лишь звучно, но и морфологию малоруську убиваютъ формами великорусского языка.

Что „симъ противо-естественнымъ насильствомъ якъ много шкідять культурѣ народа нашего, на то классично указуе Академія сими словами:

„Мысли и чувства Малоруса неудержимо рвутся на бумагу, и ему нѣтъ иного исхода, какъ выразить ихъ обычнымъ своимъ просторѣчіемъ, ибо чуждый ему великорусскій литературный языкъ не можетъ стать проводникомъ родной его рѣчи, не можетъ, и по существу своему, не долженъ быть съ нею сближенъ и сравненъ. Реформы Петра Великаго вывели Россію на путь свѣтской образованности: въ результатъ, съ одной стороны, книжный великорусскій языкъ сравнился съ разговорнымъ языкомъ Великорусовъ, а съ другой, разговорный языкъ Малорусовъ сталъ языкомъ новой малорусской письменности. Не допустить законность и естественность этого послѣдняго результата—равносильно было бы признанію того, что свѣтская образованность не коснулась Малоруса; это было бы равносильно признанію того, что на сѣверѣ—въ Москвѣ и Петербургѣ—свѣтская образованность должна была сблизить языкъ разговорный и письменный, давъ первому изъ нихъ перевѣсъ, на югѣ же, въ Кіевѣ, та же свѣтская образованность должна была только замѣнить старый письменный языкъ новымъ, еще болѣе отличнымъ отъ разговорнаго, еще болѣе ему чуждымъ“. (Ст. 26.)

Той, Академіею осужденной „неисполнимой затѣи“ жае служить и п. Гусняй, коли заявить: „Признавая общерусскій литературный языкъ и требуя его введенія въ школахъ и урядахъ мы отъ народнаго нарѣчія отклониться не хотимъ“.

Словомъ п. Гусняй и сам, хотяи филологично не розсудивъ дѣло, природно чувствуете, что общерусскій языкъ (якого по словамъ петерб. Академіи и не е) не може быти нашимъ

и зато не хоче отклонитися од „народнаго нарѣчія“. Як думає исполнити „неисполнимую затѣю“, о том не говорить,

Шкода и трудитися! Не удалось то на Украинѣ, не удалось в Галичинѣ, даже и на православной Буковинѣ, не удасться оно и нашим москвофилам.

Повторяеме: шкода за роботу, шкода за утраченное время, и наибольша шкода за утраты народноѣ культуры.

П. Гусняй каже, что простым языком нашим не можно лиш о домашних рѣчах бесѣдовати, что руський народный язык зовѣм не способный до выражена высших понятій. На се смѣме ему сказати, что он ще а ни одного малоруського классика не перечитав. Если бы був на примѣр хоть дачто читав из Шашкевича, мог бы був видѣти як можно взнестися, высоко, як можно нашим языком без чужоѣ примѣшки и найвышѣ понятія о Бозѣ гладко выговорити, та ще як сильно, як мудро, як положительно, основно. Не язык народный винен, але тот наш самоучок, котрый не знае по руськи. Шашкевич не рок не два выучовав и розбирав народну бесѣду: То радиме мы и пану Гусьнаю и другим, чтобы взялися до работы, бо без працѣ никто не стався еще писателем и лингвистом.

VI.

Что говорить нам исторія литературы Подн. Руси?

Наши москвофилы часто отзываются на то, что у нас всегда писалось по русски (значить: по великорусски), и что лишь новѣйше заводять русинство ци украинизм.

То каже и п. Гусняй, котрый опираючися на слова Н. Л. Мустяновича смѣв повторити неправду, что „Карпаторусы стояли всегда на точкѣ зрѣнія единства русскаго литер. языка“, и что нашим литературным языком був всегда язык Пушкина, Гоголя и Тургеньева (Ст. 3.)

Ниже обширѣйше докажем, что се есть до неба вопѣюча неправда. (Вже и проф. Др Тихій указав на то, что не Мустянович, на галицкій поэт Н. Устьянович написав р. 1886. что „великорос пише по нашему и выговоривае по своему“.)

Звычайно так говориться, что наша письменность дуже молода, и п. Гуснай датуе еѣ лишь од 60—70 лѣт, т е. од часов Добрянского.

Новѣйшее поколѣня из исторіи литературы сих 60—70 роков мало знае, позирае лишъ поверхностно буквы письма и из того судить, что у нас був всегда напрям великорусскій.

Та сеся думка дуже хибна.

Старѣ рукописи и людова словесность ясно говорятъ, что у нас была литература, и то жива и *народна* и перед 1830 и 1840. р.

Др Гіадор Стрипскій в брошурѣ „Старша руська письменность на Угорщинѣ“ вже в 1907. роцѣ указав на наши старѣ рукописнѣ книги из XV—XVIII. вѣков як напр. на Лѣтопись Мукачевского Монастыря из р. 1458., Толковное Евангеліе из села Скотарського (1588.), Догматика (1598), Гукливскій лѣтопись (1660.) Учительное Евангеліа О. Теодора Дулишковича (р. (1673.), Учительное Евангеліе из Данилова (XVII. в.), Притчи и казаня Теслевцьового (XVII. в.), Унгварскій рукопись (Казаня из XVIII. в.), Уггорусскій свѣваник (XVIII. в.) и пр. и на людову словесность с еѣ казками повѣрками, свѣванками, пословицами и загадками.

А из сих рѣчей голосно говорить к нам народный дух нашоѣ литературы.

Др. Стрипскій перестудіювавши спомянутѣ в его брошурѣ найстаршѣ наши литерат. пам'ятники и то 56 кусников и найдавнішѣ стихотворы, звѣдає: „На што нас сесѣ старі писаня навчають?“ И одповѣдає:

„На сампередъ на того, што наші дѣды уміли знаменито по руськи писати, а то подекуды далеко лѣпше, як мы, познѣ внуки. Такимъ чистымъ, народнымъ руснацькимъ складомъ идуть сесѣ слова, гейбы їхъ декто изъ нашихъ селяниновъ теперь приказовавъ, Запам'ятайме собі добре: передъ двастопятьдесятьма роками красше и розумнѣйше писалось у насъ, якъ теперь. (Бо кладѣть руку на сердце, пане читателю, вы бы не потрафили такъ просто и гладко руськимъ складомъ писати, якъ отсѣ старі!) Та чому сеся дивнота?“

Подѣ Карпатами такъ изъ нашего боку, якъ изъ Галицкого не было у XVI—XVIII. столѣтяхъ ни просвітныхъ осередковъ (центровъ), ни знатнѣйшихъ школъ руськихъ. Не было литературы по нашимъ розумінью, не было панськоѣ читаючоѣ публики, отже не было кому и писати по панськи, тобто по ученому — церковному. Наша стара публика была переважна не читаюча, але *слухаюча*, отже треба было сесѣ церковнѣ оповіданя писати такимъ языкомъ, якого простый народъ добре розумівъ. *Тому то*

устъ творы старшоѣ письменности писанѣ народнымъ, руснаць-
нимъ словомъ, якій у насъ тогды говорився.“

Воистину правда, что если бы мы знали были продолжати
сесю народну письменность у XIX. вѣку мѣсто чужоѣ велико-
ручины, то мы бы стояли теперъ высоко у просвѣтѣ. Бо тота
стара письменность была *наша*, выросла на *нашой* земли, та
мала будучность, но лишь треба было еѣ плекати.

Але нам судилося иншакъ: — пише Стрипскій — коли „по
цѣлой Угорщинѣ найкрасше цвитаѣ демократизм (народовство) по-
литично и литературно, тогды передникамъ угорскоѣ Руси забаглося
до *аристократноѣ*, до панскоѣ, великоѣ российщины. Перервали
зовсѣмъ связь, якій насъ вязавъ до просвѣты и переданъ літератур-
ныхъ XVII — XVIII. віковъ; завели у насъ новий, але чужій письмен-
ный языкъ московскій, та симъ перерізали народъ на двѣ окре-
м часті: на пановъ и на простый людъ. Перші не научилися и до
нынѣ по московськи, а писати ѣмъ по простацьки всетаки не
хочеса; наслѣдкомъ сего простаки лишилися „у тьмі кромішної“,
збіднѣли та помарнѣли. Се перша наука, яку можеме стягнути
изъ старшоѣ письменности“.

И что причинило упадок народноѣ литературы? Исторія и
се красно нам потолкуе.

В часах Андрея Бачиньского зачали наши попы учитися
в Тернавѣ по латинѣ. По латинѣ они й говорили и вже смѣ-
ялися з тых, что говорили та писали по руськи. По латинѣ за-
чали тѣ новѣ вже ученѣ попы писати. Але якое было то их
письменство? Кто их розумѣв? Хиба другѣ попы, что знали по
латинѣ, бо народ что знав только по руськи, тых книг не читав
и не мог читати! Так и отвыкли от руського письма.

В 1831 р. явиться граматика Лучкая его „Ц. Бесѣды“ в
котрых заговорив народным языком.

Коло 1840 року выступае и Духнович. Язык в его творах
опертый по большой части на народном. Духнович написав и
„Граматику“. Ту граматику выдав в Будапештѣ И. Раковскій.
Раковскій змѣнив без дозволу Духновича правопись книжки,
„на основаніи чисторусской ореографіи“, за что Духнович дуже
сердився.

В 1867 р. зачинае виходити в Ужгородѣ „Свѣтъ“. Той
поставив собѣ за цѣль ширити „общерусскій литературный“
язык и „русскую литературу“. И як то остро брався он до дѣла!
В 4. ч. из 1867 року пишеса в „Свѣтѣ“: „Не надобно намъ

составляти литературу, какъ то дѣлали на пр. наши братья Маѳьяры — *надобно только обучиватися си!* То задача наша сторицею лекша какъ была помянутыхъ братьевъ и соотечественниковъ нашихъ отъ года 1820“ и т. д.

Готова литература вже в 1867 р.!

Маѳяре не мали готовоѳ и творили! Подкарпатська Русь вже въ 1867 роцѳ мала готову литературу! „Не надобно намъ составляти литературу!

На „Свѣтъ“ покликуються часто, як на новинку „общерусску“. А ктось, что не знае дѣл мог бы думати, что и всѳ Подкарпатскѳ Русины из 1867, 1868 и слѣдующихъ лѣт были общерусскими та думали як Свѣтъ! *Подкарпатскѳ Русины из 1867 и 1868... были противнѳ московскому духу „Свѣта“ и коли „Свѣтъ“ почав писати по московски, по литературному, стали люде его лишати!* С початкомъ 1868 року вже не было ѳ 200 такихъ на Подкарпатской Руси, котрѳ хотѣли бы „Свѣтъ“ читати и за него платити.

В 1. числѳ „Свѣтъ“ из 1868 р. е „Отвертый листъ до редакцѳ „Свѣта“. Написав его якийсь „Верховинець“. З того листа наведеме деякѳ урывки. Верховинець пише дословно так:

....„Четыреста“ и десять предплатителей надобно (или потребно) къ тому чтобъ „Свѣтъ“ безъ утраты Общества св. Василія, какъ издателя сдержался; а мнѳ донеслося, что ни половина сего числа еще не явилася до дне 1-го января, и что Общество св. Василія только добродушіемъ и въ надеждѳ лучшія будущности — „только на пробу“ — приняло на себя издержки „Свѣта“ еще на четверть года“.

„Я размышлялъ о причинахъ того равнодушія, которымъ публика наша — съ изытіемъ нѣкоторыхъ предплатителей — отъ „Свѣта“ отвернулася.“

....,Первою причиною паденія „Свѣта“ въ очахъ публики нашей кажется быти: письменный его языкъ. Кажется, что „Свѣтъ“ пишетъ языкомъ неразумѣлымъ, непонятнымъ публикѳ, писатели его самоохотно выбираютъ слова, изреченія, слоги, изъ словарей и не употребляютъ языкъ, которымъ говоримъ или слова, которыя каждый читатель разумѣти можетъ безъ словаря — которого еще и не есть, чтобъ въ немъ толкованіе словъ на маѳярскомъ языкѳ найти можно было. Публика наша жеселаетъ, чтобы писати „по нашему“, безъ „цифрованныхъ словъ“ безъ московскихъ словъ“, безъ „новыхъ выражений“. Для чего бо

4 золоти ежегодно жертвовать на то, что не разумѣмъ и читати не можемъ съ пользою и легкостію....

Седмою причиною приводится, что „Свѣтъ“ не есть для всего народа, только для образованнѣйшихъ людей; а тѣхъ не есть только, чтобъ 500 предплатителей собрати можно. Даже надобно бы была часопись, писана такъ, чтобъ ею при образованной части народа и нижшія сословія, учителя, селяне и пр. пользоваться могли.“

Верховинець.

Але отсей тверезый та розумный голос „Верховинця“ не знайшов послуху в редакціи „Свѣта“. „Свѣтъ“ далє писав не „по нашому“, а уживав „цифрованныхъ“ слов, „московскихъ словъ“ и т. д. Очевидна рѣчь: Русины из 1868 року не розумѣли, не читали и не платили за „Свѣтъ“.

В 30. числѣ из 1869 року зачинаються в „Свѣтѣ“ статѣ „*Какъ имѣемъ писати?*“. В тых статях застановляеся редакція, яка є причина упадка „Свѣта“. И каже: Что причиною сего паденія? Да, „паденія“, бо „Свѣтъ“ съ начала хорошо постоялъ — послѣ упавъ — а еще упавъ по той мѣрѣ, по которой чистился, образовался и усовершенался языкъ, на которомъ писанными были статьи его...“

Выше згадана статья тянеся в 30, 31, 32, 33, 34 и 35 числах „Свѣта“ з 1869 року. Наведеме з неѣ колька урывков, чтобы показати, як вже тому пятьдесятъ лѣтъ дивилися на Подкарпатской Руси на „общерусскій“ язык!

В 33. числѣ „Свѣта“ каже редакція межи иншим: „*Вопрошаемъ: сдѣлались ли сихъ поръ мѣры, сдѣлался ли малѣйшій крокъ къ тому, чтобъ нашъ „Свѣтъ“ остался приступнымъ и народу? Имѣетъ ли сей „народъ“ и малѣйшія пользы изъ нашего литературного дѣйствія, котораго представителемъ — животворителемъ — и punctum culminationis „Свѣтъ“?... Всѣ народности въ Угорщинѣ — даже еще и потупленные жида, имѣють свои литературныя предпріянія для народа — то есть, для простаго народа — мы же не имѣемъ ничего для сего „простаго народа и хотимъ славиться литературою, сему народу по крайней мѣрѣ неприступною! Творимъ изъ литературы монополь, содержанный для нѣсколькихъ людей, а народъ оставляемъ тамъ, гдѣ прежде былъ — при невѣжествѣ“.*

Або в том самом числѣ:

„Мы дѣлаемъ явный вопросъ: будетъ ли имѣти пользу изъ того народъ, ежели десять или двадцать мужей изъ насъ

станутся литераторами, а народъ останется безъ науки безъ просвѣщенія“?

В 34. числѣ авторъ высказуе сякѣ важнѣ думки :

„А то всегда рабство не имѣти своей воли, но слѣпо идти за инымъ, куда онъ насъ поведетъ... Главное то дѣло для народнаго образованія, не искати литературу народа — основаніе литературнаго развитія индѣ, какъ въ самомъ народѣ“.

Отсе урывки из „Свѣта“. Из них видно ясно, что „Свѣтъ“ не пустив корѣни и великорусскоѣ литературы не перенѣс до нас. Что больше : межи русинами выкликав сей великорусскій напрям негодованія и реакцію. Уже тогда перед 50 лѣтами хотѣли Подк. Русины мати литературу „по нашему“, по своему матерному языку.

А сяких протестовъ против „русского“ языка, а против ни мало- ни вел.-русского язычія находиме богато и в Листку. Майже постоянно поносуеся редактор о равнодушїи публики. В 19 ч. 1886 р. осуждуе У. Метеор языкъ Карпата, что „сочинилъ небывалый языкъ“. Дописователи требуютъ языкъ „легшїй“. Появились статьи Безйорова противъ Ъ-а (18., 19. ч. 1886). Якъ „образцы нарѣчїй“ печатае „Листокъ“ нар. пѣсни, вѣрши, оповѣданя (13, 14, 18, 20 числа 1887). Вѣрши Фенцика. что написав к своей зарученной, написавъ чистымъ народнымъ языкомъ.

„Общерусская литература“ вже тому 50 лѣт роздвоила Русинов на Подк. Руси на двое. На „ученыхъ литераторовъ“ и „темный народъ“. „Свѣтъ“ из 1869 ч. 33. каже в статѣ „Какъ имѣемъ писати?“ „произвели литературу для нѣсколко людей, но пренебрегли народъ и оставили его безъ литературы, даже безъ азбуки, безъ букваря, библийки и катихиза... Вотъ примѣръ : мы издаемъ всенародную исторію для интеллигенціи — думаемъ для нея издати и словарь, — но и для народа не издали мы еще и одинокую литературную букву, кромѣ рождественныхъ и пасхальныхъ пѣсней и то все — на церковномъ языкѣ“.

„Церковная Газета“, „Свѣтъ“, „Карпаты“, а потомъ и „Листокъ“ брали готовѣ фельетоны изъ рѣжныхъ росїйскихъ новинокъ и ихъ передрукововали. Але то, что было свое в Москвѣ — се было чужое на Подкарпатской Руси! От в 33. числѣ „Свѣта“ из 1869 пише „Критикъ Свѣта“ такое про ту готову литературу : „Для чего намъ искати что то в чужинѣ, прежде бы нежели мы укрѣпилися дома?... Не довольно намъ острѣти перо на московскихъ историческихъ предметахъ, когда наша собственна исторія дае

нам ежедневно довольно способа поощрять перо наше — надъ самими себя... Доколѣ мы ходимъ по Москвѣ и Куликовомъ полѣ: дома сгорить собственная будовля... а ни отъ Дона, ни отъ Куликова не приѣде никто гасити!"

А колько людей отсе чужое незрозумѣлое письменство одчужило од нас и перекинуло до Мадяров — про то и не згадуеме!

Досить, что вже передъ пятьдесятьми лѣтами осудили Подкарпатскѣ Русины „общерусскую литературу“ як не родну, а чужу. Чи ж дивниця отже, что мы, нынѣшное поколѣня, нынѣшнѣ Подкарпатскѣ Русины не хочеме вже блудити, як блудили нашѣ отцы? Не хочеме блудити шукати чужихъ богов, а хочеме творити и розвивати нашу родну материнску бесѣду и культуру.

Наши москвофилы коли говорятъ „о нашей литературѣ“, глубоко мовчать о всѣхъ тых, котрѣ писали по нашему.

Москвофилы изъ малороссовъ отзываются лишь на Гоголя и не споминають множество малоруськихъ писателей.

И пан Гусьнай згадуючи про словарь, Митрака и Бескида каже: Другихъ „руси́нскихъ“ словарей здѣсь вообще не существует.“ — И се е „вообще“ не правдою, бо в 1883 выйшовъ словарь Ласлова Чопея котрый е навѣть до сихъ поръ найлѣпшій бо не перероблений зъ російскихъ словарей, но Чопей збиралъ самъ слова *по селахъ, зъ устъ народа* и прото подавъ большій діалектологичный матеріалъ якъ другѣ.

Кто береться рѣшати языковой вопросъ, повиненъ бы знати такожъ децо про словарь *Святыцького, Гнатюка та П. Верхратського* долученѣ до ихъ этнографичныхъ та языковыхъ праць про Подк. Русь.

Исторія Лит. напоѣ свѣдчить, что передъ *Ломоносовымъ* котрый в першій половинѣ 18 в. давъ основы до „русского литературного языка“ у насъ на Подк. Руси писали вже по *нашему по руськи, мали свой руській литературный языкъ*. Лучкай в 1830. и Фогороши реформовали правопись, а они цѣлкомъ не стояли „на точкѣ зрѣнія единства русскаго литературного языка“.

Подобну игноранцію проуказуе п. Гусьнай и в иньшихъ мало- та великоруськихъ справахъ. В Галичинѣ каже „началась борба *двухъ партій*: русской и рутенской (правительственной)“ по 1848 р. за стараньемъ намѣстника Стадіона — (8 ст.) „.....! А где подѣлася „*Historia ecclesiae ruthenae*“ на-

писана Герасевичем з початком 19 вѣка? А где *Ивана Могильницького „Розправа о языцѣ руськомъ“* з 1829 р. в котрой стоить за самостойностью нашего языка? Где „руська тройця“: Маркіян Пашкевич, Яков Головацкій и Вагилевич, котрѣ вже в 1837 роцѣ выдали в Будинѣ „*Русалку Днѣстрову*“ першу в Галичинѣ руську книжку написану народнымъ языкомъ и фонетичною правописю? Где литературна дѣяльність Антона Могильницького, Миколы Устияновича та инших? Где Головацького: „*Zustande der Russinen in Galizien*“ выданѣ в 1846 р.“

И ци не смѣшно начинати исторію Украины од Бисмарка? (ст. 7.) Та куды дѣти Наливайка (XVI в.), Виговського, Дорошенка, Мазепу, Орленка та много, много инших, котрѣ боролися против Польши и против Москвы за свободу малоруського народа? Где подѣти ту всю литературу писану по народному почавши од XVI. вѣка? Где подѣти примѣромъ переводы святого письма „изъ языка болгарскаго на бесѣду *роуськую для летшого вырзоумленя люду христіянскаго посполитого*“? Где подѣти словарь из XVI. вѣку „изъ словенскаго языка на *простый рускій „діалекты истлѣкованы*“?

Словомъ наши „кацапствующіе“ не споминають ани творовъ Лучкая, Довговича, Чопея, Чосина, Жатковича, Стрипского и пр. не говорятъ о томъ успѣхѣ, котрый мала и наша „Наука“, котра в 1898 роцѣ почала по нашому писати и вже до конца первого рока достала 800 читателей, а „Листоць“ писавшій тогда „на русскі“ тогды мавъ лиш 25 читателей.

Они не хотять видѣти факт, что от самого начала, коли у насъ штучно завели великорущину, постоянно возроставъ природный отпоръ противъ того язычія и языкъ писателей нашихъ постоянно сближався къ народному.

И коли говорятъ о граматикахъ, не хотять увидѣти факт, что Евм. Сабов также сближався къ народному, выбиравъ лишъ легшѣ примѣры и указовавъ на розлуку народного выговора од великор. форм.

Ще дальше пошовъ ниже подписанный в своей по мадярски написанной малоруськой граматичѣ, „*Gyakorlati Kisorosz Nyelvtan*“ р. 1907. в передмовѣ котроѣ заявивъ, что кто хоче знати по малоруськи, тотъ не потребуе великоруськоѣ грамматики, но окрему малоруську грамматику мае употребляти;

граматичні примѣры брав из народных пѣсень, пословиць и оповѣдань, и хотяй не досяг до цѣльком чистого малоруського письменного языка, еднако сдѣлав рѣшителный крокъ к народному стилю.

Се и признана будапештянска Акад. Наук, котра на основѣ критики проф. славистики д-ра Ашбота, учебник сесь, як першу пробу граматики малоруського языка на Угорщинѣ похвалила и грошевою наградой отличила.

Наши „кацапетвующіе“ не хотятъ видѣти богату литературну працю К. Жатковича, Ал. Маковицкого, Ир. и Викт. Легезы, д-ра Стрипского, Невидкого, Демяна Лукача и пр. бо сесь всѣ были, а котрѣ жиють и суть свѣдомыми народцями.

Не хотятъ дознаватися од сих, по правдѣ знающих свой народ и языкъ этнографов, филологов и писателей, ож як бы нам писати.

Д-р Г. Стрипскій в брошурѣ „Старша Руська письменность“ на ст. 11. пише:

„Але народный, простый языкъ старыхъ писанъ навчае насъ и на третье дѣло. Именно на то, *што наши подали намъ сими писанями вже впродѣ два сто роками ясный прикладъ до того, якъ треба намъ писати по нашему.*

Кожда література дае намъ такий самый прикладъ.

Берімъ на приміръ мадарску письменность. Які сильні, здорові творы полишали по за собою Пазманъ, Мікешъ, Фалуді, Гваданъ, што еще и теперъ їхъ любо читати; а які мляві, худѣ писаня пописали їхъ панські наслѣдники, што належали до школы Казінція. Та чому? Бо Пазманъ и Мікешъ писали живою простацькою мадарскою бесѣдою, котру каждый легко розумѣе, а панове Казінційскі намагали ся файнымъ панськимъ языкомъ писати, на котромъ теперъ уже сміеме ся. Бо ци не сміино было того, коли Барцафалві Сабо Давидъ такъ писавъ: „A bongora szomoroncز hangozmanyainál epedvényezve bájdánásztak a hon lelkedző leányi“. Наврядъ *се по мадарски*. Айбо ци говорить кто такимъ языкомъ, якимъ Сабо писавъ? Треба было ажъ XIX-му вікови наступити, абы Чоконаі, Петевфі, Йокаі та Аранъ завели порядокъ у тоту мішанину, именно тымъ, што зась вернули ся до старыхъ прикладовъ Мікеша та Пазманя, то есть завели въ літературу живой простой мадарскій языкъ. Ану! Яка сильна и красна теперъ мадарска література, отъ

коли литовхнули еѣ напередъ народні письменники, то есть отъ коли лишили ся отъ панського языка и почали писати простымъ, народнымъ языкомъ! Чому? бо мадяры вызволили отъ панщины не только своихъ простаковъ, але и їхъ простацьку, здорову бесѣду. А сесе случилось саме тогды, коли на Угорської Руси завели файный „панський“ языкъ московскій для нашої письменности.

Коли не скорше, то бодай 1848-го року повинно бы было дѣятися и въ насъ такое вызволенье: писати за прикладомъ нашимъ старыхъ по народному. Але на жаль не такъ склало ся. Послѣднимъ такимъ поблискомъ, правда, ознався еще на початку XIX-го столѣтя оденъ письменникъ — Михайло Лучкай, — котрый своѣ проповѣди рішучо подѣ вліянiемъ демократичного духа Мадяровъ (што тогды, 1830 р. розширився вже по цѣлой Угорщинѣ) пише разумнымъ народнымъ языкомъ. Та бо съ нимъ и конецъ! Бо якъ прийшли 1849-го року московскі збѣроѣ на Угорщину, они такъ заімпоновали нашимъ панамъ своею силою, што паны не видѣли по за московщиною передъ собою жадного руського свѣта. Почали писати на великоруській прикладъ, змагалися симъ чужимъ, безъ насъ виробленимъ далекимъ языкомъ писати, та зовсѣмъ забыли продовжати старый прикладъ нашихъ батьковъ. Айбо изъ того не вышло ничего доброго. Про панський языкъ зовсѣмъ занедбали простого робучого народа; подражаючи на письмі великоруській языкъ (бо говорити таки не знали по панськи, лишь писати), не творилися на народну просвіту, лишь носили безхосенно руснацьку каплю у московское море. Наслѣдкомъ сихъ нездоровыхъ змаганъ и того чужого *русского* языка стратили паны изподъ себе землю, бо неученый, темный народъ збѣднѣвъ до крайности; сами паны чужого языка не научились, а свого забыли, та такъ теперъ *обоихъ* позбылися.

Теперъ мы живеме якразъ у такому положеню, у якомъ были предки наші въ XVII—XVIII-омъ столѣтѣ: не маеме просвітнихъ заведень, не маеме пановъ, не маеме книжокъ, тожъ и не е для кого по панськи писати. Кто теперъ читае въ насъ по руськи? Селяне. Та якимъ языкомъ повиннѣ мы для селянъ писати? Розуміеся, што по народному; именно по тому, што у насъ виробився, на нашої землі, нашими письменниками Угро-руськими; языкомъ, котрого простый народъ вповнѣ резуміе и радо читае. Айбо народъ нашъ

читавъ и чествовавъ лишь тотъ старі писаня, о котрыхъ говориме, тому *то наша повинность — продовжати тому стару письменность, бо она наша.*

Бо у томъ то найгоршое нещастье, што змаганя предковъ нашихъ не найшли у насъ, потомкахъ, наслѣдниковъ. Такого лишь у дикихъ Австралійцяхъ та у чорныхъ Африканцяхъ видиме.

Бывъ часъ, коли школьный проінепекторъ, Митро Поповичъ писавъ 1796. року Кошицькому продіректорови, што пересмотривъ и выслѣджовавъ понадъ 300 руснацькихъ школъ по нашихъ селахъ и всюды найшовъ великій порядокъ; хлопцѣ училися добре, учителѣ говорили по трьомачотырьма, народъ бывъ письменный, просвѣтный... А теперъ? Сѣмдесять процентовъ селянства не знае буквы; а коли бы не были мадарські (державні) школы, то было бы и 90% неписьменныхъ". (Стрипскій: Старша Руська Писменность 1907. р.)

Словомъ исторія нашої литературы богато осуждаетъ несчастнѣ пробы великорущины середины мин. вѣка и *загально представляе собою, сильный напрямъ к народнои. малоруськой литературѣ.*

VII.

Яким-же намъ языкомъ писати?

Наши москвофилы говорятъ:

— Добре, добре, тады мы то вже признаеме, что нашъ языкъ то не великорусскій, айбо и такъ званный украинскій литературный языкъ не нашъ, бо много має чужихъ особливо польскихъ словъ и пише чужою намъ фонетикою.

Правда, что малорусскій литературный языкъ в Львовѣ набравъ до себе много полонизмов. „Но, якъ то Петерб. Акад. Наукъ каже: „польскіе элементы не затемнили народной основы языка.“

„Они заняли только мѣсто тѣхъ великорусскихъ элементовъ, вторженіе коихъ было бы неизбежно при широкомъ и свободномъ развитіи малорусской письменности на Украинѣ. Обогащеніе иноязычными элементами—это удѣлъ каждаго литературнаго языка (западноевропейскіе элементы въ нашей великорусской рѣчи доказываютъ, что отъ вліянія иноземщины не обезпечены даже весьма развитые письменные языки). Но совершенно неизбежнымъ

становится вліяніе сосѣднихъ языковъ, когда языки эти принадлежатъ родственному племени; такъ польскій литературный языкъ отразилъ на себѣ вліяніе чешскаго, а посьскіе пуристы ведутъ безплодную и утомительную борьбу съ вліяніемъ великорусскимъ; такъ словенскій языкъ проникъ элементами сербско-хорватскими; такъ болгарскій языкъ весь насквозь пропитанъ великорусскою стихіей. И такъ же точно нельзя было малорусскому языку уберечься ни отъ великорусскаго, ни отъ польскаго вліянія. Умѣніе воспользоваться иноязычными элементами, отсутствіе боязни къ нимъ, смѣлое отношеніе къ новому лексическому матеріалу—весьма часто свидѣтельствуютъ о силѣ и крѣпости юнаго литературнаго языка, неудержимо стремящагося къ все большему захвату въ области выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ“. (Ст. 28.)

И пан Гусьнай закидѣе малоруськимъ писателямъ особливо Винниченкови неологизм. Но звѣдуеме, ци жадному авторови не вольно уживати новыхъ словъ? Одповѣдь найдеме в біографіяхъ Шекспира, Петевфіого, Гетого, Пушкина, Гоголя, Шевченка и т. д. Каждый живой письменникъ живого народа уживае живыхъ новыхъ словъ, котрѣ находитъ у своего народа, а котрѣ ще не были введены в литературу, або котрѣ самъ творить в дусѣ народномъ. Се дѣся тогды, коли поетъ, чтобы высказати свои думки, чувства та настроѣ, не находитъ межи давными уживаними в литературѣ словами одиовѣднаго слова. Се дѣся и тогды, коли повстануть новѣ понятія и рѣчи, котрѣ треба назвати. (Ось такъ назвали у насъ: *лѣтак*—машина до лѣтаня, *летун*—чоловѣкъ, что летить и т. д.)

Тымъ способомъ вводится все и все новѣ й новѣ слова до каждоѣ литературы.

Такъ называли на пр. мадяре фамилію мышей, (пацкуновъ)—*gácsaló*-ами, а русины: грызунами.

Коли бы не сѣ новѣ слова, то жадна литература не розвивалабыся. Инша вже рѣч, ци якійсь авторъ уже добре добраное слово, ци зле.

Гайне (Heine) ужив в своихъ стихахъ много неологизмовъ. Лишь методъ и логика пана Гусьная дозвояють выступати противъ всеѣ малоруськоѣ бесѣды прото, что у В. Винниченка найшовъ п. Гусьнай незрозумѣлѣ слова. Найшовъ! Кто хоть мало обзнакомленый з малоруськимъ письменствомъ, той знае, что В. Винниченко е великимъ драматургомъ, но не е майстромъ слова. Се одно, а другое: чтобы осудити, ци якоесь слово е зрозумѣлое, ци нѣтъ, *треба самому розумѣти, самому знати языкъ.*

Пан Гусьнай не розумѣе слова: рѣчище, троцита и пр. Пане пойдѣть на село и звѣдайте першу лѣпшу бабу: як называеся то мѣсто, куда плыла давно рѣка, а теперѣ вже не плыне? — А баба одповѣсть Вам: *рѣчище*. — Або звѣдайте еѣ, куда пойшов сын? Она одповѣсть: пойшов *троцита* хворост. И т. д. Такѣ розмовы з бабами розширять Ваше филологическое образованье.

На 24 ст. пан Гусьнай бавиться у лингвистичного диктатора. Кажет се слово злое, а мае быти се. Пр. не „чудовый“ а „чудный“. Пан Гусьнай не дѣйшов ще в знаню малорущины так далеко, чтобы знати, что в малоруськомъ е слово: чудовый, чудный и чудесный — и каждое з них что иншого значить... Кажеме: чудовое мѣсто (дуже красное мѣсто), чудный (дивный!) чоловѣк и „чудесное“ воскресенье Лазаря...

Окрем Винниченка обговорюе п. Гусьнай и язык дир. Алиськевича, перед котрым недавно здавав матуру. Дир. Алиськевич винен, что уживае чужих слов: психологiя, експерименты, раціональна педагогика, дидактика, нормальный и т. д. — слова, котрых уживаеся у всѣхъ европейскихъ языках. А наибольше тых чужих слов есть в русскомъ литературномъ языкѣ, перенятых з нѣмецкого (пр. траур, лозунг, форелѣ, курорт, вальдшнепф, флигель, прейскурант, зонтик и т. д. — мѣсто: жалоба, клич або гасло, петруг, купелевое мѣсце, крыльце и т. д.), пр. что свѣдчать словарѣ як: „6.000 иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ“ и т. д.

Но если тот вел. русскій языкъ знав переробити тѣ чужѣ слова к своему характеру, тогда лиш ставеся богатымъ.

Так и у малороссовъ полонизмы не измѣнили народного характера языка и правдою е, что и в польскомъ языкѣ е дуже много русинизмов. Однако од тыхъ полонизмовъ каждый свѣдомый украинскій литераторъ усилюеся обчистити свой языкъ, як то на пр. свѣдчить книжечка, недавно изданна в Вѣднѣ подъ заголовкомъ „Паки и паки“, в котрой указав авторъ на множество полонизмовъ (на больше, як пан Гусьнай).

Языкъ, як живой организм, росте и постепенно развиваеся. Стоячи на принципу сеѣ еволюцiи мы не привязуемя к ошибкамъ дотеперѣ развившогося языка, не уважаеме днешнiй его станъ за каменѣлымъ болваномъ, на котромъ вже ничѣ не мож измѣнити.

Главное тут лишь то, чтобы мы сохранили народный (малорусский) характер языка.

На приклад д р Г. Стрипский перепечатал часть из летописи Гуклевского и отрывок из Листка. И поровняв.

„Року 1660. зима была твердая. Снѣгъ упавъ бывъ великій, такъ же люде дорогу у лѣсѣ протоптати не могли; и якъ упавъ на нушаня Пилипово, то аж Благовѣщеніе его рушило. Люде въ недостатокъ соломы хыжѣ, стодолы геть подерли марзѣ. — Року 1665. вина овощей и зерна доста было, токмо на Пудгору изъ обоихъ сторонъ Бескѣда хлѣбъ дуже бывъ изгинувъ и зимивлѣ барзо мало было. (Изъ летописи Гуклевского, рукопись.)

А послѣ 230. лѣтъ, въ Унгварскомъ Листку такъ пишутъ потомки :

„Не будь его миленькой соопруги Корниліи, умѣвшей своею веселою натурой всегда отгонять темные облака со лба своего мужа, да во всякихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни приносить утѣшеніе, иный-разъ пожалуй, неручаюсь, что наклоненъ бы не множко поругать начальство, поставившее его своимъ пренебреганіемъ во столь невыгодное положеніе; но Корнилія всегда съумѣла его выручить отъ искушенія ругательствъ . . . и т. д. (Изъ оповѣданія Уріила Метеора „Бѣда, нѣтъ жида“. Не знаю, ци порозумілисье сесе; бодай я не розумію.)

Ну? котрое изъ двохъ писанъ вамъ лѣпше до смаку, почтенный читателю? Котрое то по нашему руснацькому? Видите власными очами, куда нас повела недоля, што не дала злучитися нашої письменности съ еѣ спадщиною, съ старымъ добрымъ русскимъ письменствомъ.

Може скажете: тадь и сесе и тото по руски написано!

Нѣтъ паночку, вы помиляетесь: року 1660. писалося у насъ по руски для Руснаковъ, а року 1885-го па-русскі для гаспадинъ! А тото велика розлука. Сесю розлуку выписавъ зовсѣмъ явно Унгварскій Карпатъ такими словами: „Литература пишеть ся вездѣ для господинъ, а не для простаковъ“. — Што за хосенъ бывъ изъ сеѣ господиньскоѣ письменности, можеме видѣти хоть бы изъ того, што отъ 1890-го року она таки зовсѣмъ и померла; а на противъ: стародавна руснацька литература живе у нашої Науцѣ и до нынѣшнього дня. До котроѣ хочете отже пристати: до господиньскоѣ, ци до руснацькоѣ?

Мы стоиме рѣшучо за руснацькою народною письменностью, бо она має минувшину у насъ, отже и будущность має. Сего ради скажеме такъ: Кто хоче братися до просвѣщеня народа, тотъ

новиненъ по руськи, нашимъ словомъ, руснацькимъ складомъ писати, а то такъ, якъ наші дѣды писали передъ 200 роками, однакожъ съ увагою на поступъ языкового розвою; то есть по народному.

Та что значить по народному писати? Задержаньемъ малоруського (руснацького) характера такъ пишѣмъ, якъ народъ говорить: по просту, ясно, бо сила языкова у народѣ; але безъ кривды нашихъ нарічій. Бо на Угорської Руси живутъ три головнѣ діалекты, котрі характеризуются выговоромъ основного звука „о“ яко і, ѣ, у (кінь, стѣль, вуль.) Жадного изъ нихъ не можемо навереци другому, то есть перпенство не, можно дати изъ нихъ жадному безъ кривды другихъ двоихъ. Треба отже ихъ конечно зодляти у спольный, кождому придатный письменный языкъ. (Старша руська письм. ст. 13.)

А *правонись*, то лишъ конвенція, порозумѣнье филологов, ож як будуть они и за ними як мають другѣ писати, чтобъ един другого в письмѣ, якъ найлегше порозумѣв.

„Кацапствующіе“ говорятъ: языковый вопросъ — то дѣло автономіи, никто не має права рѣшати, лишъ сойм.

Правда, что политичнѣ права языка, права в урядахъ и школахъ, его односины к другимъ языкамъ, се принадлежитъ к сойму, но в справахъ чисто науковыхъ, в справахъ правописи всягды у всеѣхъ народовъ рѣшали лишъ до того розумѣющѣ люде, рѣшали Академіи, рѣшали власти науки и просвѣты.

Москвофилы симъ фальшивымъ откликомъ на сойм, хотѣли бы лишъ спинити природный и здоровый розвой нашего письменного языка.

Анкета, котру Шк. Отдѣлъ скликавъ в дѣлѣ засадъ правописаня, довела до такихъ головныхъ рѣшень:

1. Держатися до языка народного (малоруського). 2. В письмѣ сохранить этимологию на основѣ новѣйшихъ розвѣдокъ филологіи. 3. Сближатися к нашему такъ званному верховинскому говору и до котрому стремитися природный розвитокъ и прочихъ нарічій.

Симъ и подана возможность сближатися к литературному языку закарпатскихъ братьевъ, изъ другоѣ части же этимологична правопись и наши архаизмы придадутся к пурификаціи малоруського литературного языка одъ подонизмовъ и москализмовъ.

Може ктось звѣдати, ож прочто выбрала анкета за образецъ правѣ верховинскій говор, а чому не языкъ долишнян?

Та и се дуже проста рѣч. Языкъ долишнян переповнен маляризмами и словакизмами, а на Верховинѣ найчистѣйше сохранився народный характеръ языка. Крсмѣ того сим нарѣчіемъ говорить огромное большинство великого 40-миліонного малоруського народа. Что до примѣненія сихъ засад до практики анкета указала особливо на два правила великорусскоѣ правописи, котрѣ противлягься вокализму нашому и о котрыхъ вже и п. е. ерб. Акад. Наукъ то самое выговѣла; сесѣ правила односятся къ писаню буквы *і* межі согласными и буквы *и* передъ гласными. На пр. міністер, прийду.

Майже изовсѣмъ къ такому результату дойшов и д-р Стрипскій, котрый еще в 1907 року поставивъ ось такѣ правила:

1. Задержати всѣ свойства малоруського языка, котрі спольні такъ у нашей бесѣдѣ, якъ у Закарпатськихъ Русиновъ, именно на сесѣ приклады: добра княжка, старі письма, ученого человека, народноѣ творчости, появленье, повно, говоришь, пишутъ, пивница, словарець, рускій, Русинъ.

2. Задержати Угроські свойства: здоровый, доброе, Исусовы родичі, быкъ и мыло, быти, што, най, пишемъ, Иванъ, письменность, ци.

3. Задержати коренный звукъ „ѳ“ для золляня трехъ нарѣчій на пр.: ѳѳъ Бога, червенный кѳнь, тѳлько на тѳмъ дѣлѣ, добрыхъ творѳвъ, на Подкарпатскѳй Руси.

4. Головное правило правопису: уминати двохзначностей. Про то пишемъ: кажутъ—лишь, вікъ—лѣсъ, экзамень, —едность. Однакожъ изъ недостатку черенокъ у друкарнѣ не можеме розлучати звука *је* отъ звука *е* особливою буквою (хѣба церковною *ѣ*); тото само мусиме чинити для точности и съ звуками *з* и *г*: томужъ пропускаеме ѣхъ.

5. Уминати довгі слова, бо то не до руського смаку. Бо коли кажеме (зовсѣмъ добре) часъ • писъ, та чому бысьме писали описаніе? По руськи красше: описъ; споминки (місто воспоминанія), змість (содержаніе), выразъ (выраженіе).

6. Уминати московскі слова, коли маеме своѣ. Приміромъ най служатъ сесѣ слова, изъ котрыхъ перші — тото московскі, а въ клямбрахъ—наші: надо (треба), пусть (най),

Русскій (Русинъ), деревня (село), крестьянинъ (простакъ), воскресеніе (недѣля), недѣля (тыждень), господинъ (панъ), какъ (якъ), качество (якость), количество (колькость), историческій (историчный), міръ (свѣтъ), когда (коли), бросити (метати), бодрѣе (лѣпше), преуспѣяніе (поступъ), вниманіе (увага), мальчикъ (ученикъ, школяръ), бумага (папіръ), нелзя (не можъ), глазъ (око), шляпа (клебанъ, крисаня, шапка), время (часъ), часъ (година), почти (майже), очень (дуже), изъятіе (выѣмка), вслѣдствіе чего (въ наслѣдокъ чого), баня (купіль), бранить (посварити), брозда (узда, вудило).

Та се лишъ проба, бо отходящихъ отъ себе словъ мають Москалѣ и Русины безъ числа, якъ увидиме изъ словаря Угро-руського, што теперь ладиться и появиться въ Унгварі*.

Се было писано вже в 1907. р. Писано щиро нашим русином, ученым этнографом и филологом.

Он стояв на основѣ этимологіи и так выбудовав систему правописаня.

Се хоче учинити и школьна управа наша, котра не може дальше позирати на хаос правописаня, ибо выдаваемѣ учебники также маються держати до едноѣ нормы.

Систему правописаня треба критизовати в цѣлости, а не по отрывным частям, из котрых нам одно або другое правило не любитесь.

Этимологично пишемe и мы и посему будемe писати, т. е. на основѣ розбора слов и аналогій. Головным правилом повинна туй быти *строга логика анологія и исторія языка*.

На пр., наша этимологична правопись не позволить писати: краща або дуща, но крас-ша, дужша; мы не пишемe ни кінъ, ни кунъ, но конь; не пишемe громацкій, но громад-скій и пр.

Но логичный принцип этимологіи од правописи требует и то, чтобы мы писали *i* и меже согласными, на пр. великі (а не великѣ), ибо анологія букв *ѣ, ю, я* требует, чтобы мы не писали *ѣ* (*ji*) там, где не е мягкое *i*. Правда, что против сего послѣднего мож ужити историчный аргумент этимологич, котрый требует, чтобы мы писали *рѣѣа, свѣт* и т. д.

Сесѣ суть найвиднѣйшѣ розлуки межи малорусскою и великорусскою этимологіею.

И так по нашей гадцѣ, одповѣдно историчному розвитку нашего этимологичного правописаня мы повиннѣ писати сяк :

На примѣр:

Ишли козы попод лозы
А цаны лавками
Не пий, не пий паленочки
Горѣвки з дѣвками.
И я не пю, и ты пьеш
Та кто буде пити ?
Та кто буде на жиловскі
Сироты рѣбити ?

(Нар. пѣсня.)

Або :

Несе баба колодочку
А дѣдо корчагу
Чекай, дѣду, не утѣкай
Най ти выву у ногу !

(Нар. пѣсня.)

Або :

Ой не ходи Грицю
Иа вѣчерницю
Бо на вечерницѣ
Самі чарѣвницѣ :
Солому паять
И зѣля варять
А тебе Гриценьку
Счарити хотять.

(Нар. пѣсня.)

Або :

Танцювала свиня з вовком,
Та стратила мѣща з шовком
Бѣда бы ти вовче стало
Кий ми хосен з танцюваня.

(Нар. пѣсня.)

Як видно туй дуже мало измѣнено, лиш только, колько логична этимологія конечно потребуе.

Сесѣ змѣны дуже улегшають правопись, улегшають роботу учителей азбуки и грамматики. А сесим и поможеме ширеню просвѣты, газет и книг.

VIII.

О причинах ворожнечи против народного языка.

Каждый здорово роздумуючій чех або маляр чудно позирае на нашу языкову борьбу и стане сейчас дознаватися, ба что е тому причина.

На жаль сяких причин находится у нас дуже много.

1. Первою и головною причиною е неорієнтація, *неузокость*. Слѣпому не мож говорити о фарбах, глухому о красотах мелодій. Так задарь буду я толковати красоту родного языка нашого, если тот интеллигент zoz Lemešanoch не знаѣ ро ruskі, або если он из языкознанства лишь только знае, что спознае буквы и колись перед 30—40—50 роками научився из переписанноѣ без филологичноѣ критики на наш язык російскоѣ грамматики одну або двѣ деклинаціи и инше ничь; котрый читав лишь пару статей из „Свѣта“ або „Листка“, и не видѣв ни одного малоруського классика.

Та колись перед 60—70 роками и львовска старша руська интеллигенція протестовала против народного языка, бо ще не изоблекла з себе польску культуру, и не набрала на себе своеѣ родноѣ.

2. Многѣ из самого субъективного конзервативизма суть против всякоѣ реформы. Они привыкли к „ѣ“-у, не знаютъ од него одорвати, хоть бы уже цѣлый свѣт забыв за него. Сесѣ конзерваторцѣ против прогресса в языковом дѣлѣ мають лишь один аргумент: „Не любиться ми“ и готова диспута.

3. Многѣ из межи ворогов народного языка из *политичных причин* подпорують москвофилизм и роздувають языкову борьбу. На пр. не треба довго толковати прочто помагають москвофильству пражскѣ централисты (Швегла, Клофач и тов.).

Общезнано и то, что поеднѣ чеськѣ политики из зле толкованого руссофилства стали на сторону кацапов. Так напр. проф. Пидерле в творі „Slovansky Svět“, Praha. 1909. (под загл. „Slavjanskoje plemja“ появилось и Encykl. Slav. Filologii) признав, что „mezi Velkorusy a Malorusy jest rozdíl hlubší. Jest nejen v jazyku nybrž i v těle a v duši lidu: v povaze, temperamentu, v písni a ovšem i v kroji, v obyčejích a zvycích и хотя доста объективно пертрактует мало- и великоруській вопрос, однако выеказуеся новѣйше за едноть русских племен.

Исторія стѣсненій малоруського языка и борьба славянскоѣ филології за права малор. слова доста ясно доказують, что новѣйша, свободна, демократична Россія не може повторяти ошибки царславноѣ реакціи.

Интересантно, но так е, что многѣ из мадяронства выступаютъ противъ малоруського языка. Они боятся од воскресеня русиновъ черезъ народну просвѣту и видячи великѣ услуги московщины для мадяризаціи, любили бы и теперъ спинити розвитокъ народноѣ культуры.

Не хочеме никого обижати, но могли бы мы указати на лица, котрѣ были загорѣлыми противниками автономіи русиновъ даже и под Мадярами, а ще горшыми ворогами конфедераціи русиновъ с чехами, и теперъ вьедно роздувають ненависть противъ руськихъ народовцевъ с лемками-кацапами.

Къ политичнымъ противникамъ народнаго языка можеме причислити и большевицкихъ агитаторовъ, такъ россійскихъ якъ и мадярскихъ, ибо цѣлямъ ихъ скорше послужить темнота селянства, якъ христіанско-народна просвѣта.

4. Коло политики не малу роль играе в языковомъ спорѣ и *религійна боротьба*, боротьба за „кривославіе“, боротьба противъ гр.-кат. церкви. Спознаеме многихъ, котрѣ колись в осени 1918. рока ходили до Станиславова заявити, что прилучаються до Украины, котрѣ присягали на синьожовту заставу в Хустѣ, и теперъ подписують протоколы, диктованнѣ агитатором-шизматикомъ, о требованіи великоруського литературнаго языка. Руська вѣра—говорять—то московска вѣра, и з вѣрою, не розпознаючи ся в языковыхъ спорахъ, упадають в когти кацаповъ, якъ агитаторовъ единства руського языка.

Не треба намъ долго толковати, что сепаратизмъ москвофиловъ особливо шкодливый е противъ гр.-кат. церкви, котра в Галичинѣ мае вже богату литературу и розвитку духовну жизнь?

5. На конецъ суть и такѣ, слабшѣ вже одиницѣ в крузѣ интеллигенціи, котрѣ из личноѣ ненависти противъ проводировъ народнаго напрямую, або из низкого штреберства, глядаючи даски сего або того стовна москвофильства, переплыли на воды кацапствованя.

IX.

Заключенье.

Изъ приведенныхъ доказовъ каждый читатель нашъ могъ убѣдитися о слѣдующихъ фактахъ:

1. вопрос самостоятельности малоруського языка вже давно рѣшила живъ и филологія, признавъ найавтентичѣйшій фактор, т. е. Акад. Наукъ в Россіи;

2. борьба противъ малоруського языка была выкликана лишь посторонними религійними, политичными и экономичными интересами, но николи не была обусловлена наукою;

3. сам малоруській языкъ и народъ ничѣмъ не причинився къ вытворенію сепаратизма и что малоруській языкъ ничимъ не противиться славянской солидарности;

4. невозможно примѣнити вел. русску правопись до малоруського языка, но если и сохранится этимологія, и тогда неотмѣнно нужно дасколько вел. русскихъ правилъ оставити або приспособити къ свойствамъ малоруського языка;

5. исторія литературы подкарп. руського языка лишь своими абераціями (блудами) оправдае затѣю сближенія къ великорусскому, но самъ здоровый, штучно из Россіи не поддерживанный розвой языка ишов по дорожѣ народнаго малоруського языка;

6. полонизмы галицкаго, полонизмы и москализмы украинскаго и мадяризмы подкарп. руського языка не измѣнили народный характеръ малоруського языка, свободна эволюція котрого повинна стремитися къ обчищенію языка од всѣхъ чужихъ элементовъ и формъ и выробити чисто малоруській литературный языкъ.

И понеже, сторонництво ко московщинѣ е у насъ

1. анахронизмомъ

2. шкодить культурной работѣ,

3. шкодить церкви и духовной жизни,

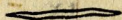
4. шкодить экономичнымъ интересамъ и

5. спиняе и политичну консолидацію,

для того съ силою глубокаго убѣжденія кличеме каждого широго друга правды каждого искреннаго славянина и русина, чтобы рука въ руку ставъ противъ разбивающаго насъ и ничѣмъ не обусловленнаго москвофилизма.

Борѣмся противъ полонизмовъ, противъ москализмовъ або мадяризмовъ, но не борѣмся противъ самаго роднаго языка, котрый ничимъ не виненъ въ томъ, что не могъ свободно на своей родной землѣ розвиватися.

Коли маеме вже своеѣ свободы, коли наша влада не може быти ворогомъ своего материнскаго слова, тогда не будѣме ворогами ему мы сами, сыны руського народа.

Друг 26 коп (1986)

6096

Выдавніцтвом тов. „Просвѣта“ в Ужгородѣ выйшли
теперь слѣдуючѣ инижки:

Ч. 1. Что то „Просвѣта“ — Василя Пачовеского ...	1
Ч. 2. Чортъ на весѣлю — оповѣданя изъ житя Верховинцѣвъ — Лукача Демяна	3
Ч. 3. Выборъ изъ поезій — Стефана Рудянского ...	3 „
4—7. Исторія Подкарпатскоѣ Руси — Василя Пачовеского	12 „
Ч. 8. Чимъ и якъ гноѣти — М. Творидла	2 „

Оддѣл музикальный :

1. Подкарпатскѣ спѣванки для хору — — першій десяток — уложив О. Кізима	10 „
2. Гры и забавы для дѣтей для ужитеку в захоронках и школах — зложив М. Рощаховскій —	„

Оддѣл литературно-наукowy :

1. О письменном языкѣ Подкарпатских Русинов А. Волошина	6 „
--	-----

Печатаются :

1. Пошестнѣ хвороты на Подк. Руси и як их сокотитися — Д-ра Манацкого.
2. Литературнѣ стремлѣня Подк. Русинѣвъ — д-ра В. Бирчака.
3. Исторія Подкарпатскоѣ Руси ч. II, (до найновѣйших часѣвъ)— В. Пачовеского.
4. Як газдують даньскѣ селяне — М. Творидла.

Замовляти можно всѣ тѣ книжки в канцеляріи тов. „Просвѣта“ в Ужгородѣ, Капитульна ч. 10 або в книгарни „Уніо“

Июждой Русин и Русинна повиннѣ быти членами тов. „Просвѣта“ Подкарпатскоѣ Руси. Членьсна виладна 10 коп. рочно.

В кождом селѣ повинна быти читальня тов. „Просвѣта“.

РА 6096

Авг. Волошин.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫЦѢ

ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.